

УДК 94(470.61)"1920/1930"(047)

*В.З. Акопян***ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ АРМЯНСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА ДОНУ В 1920–1930-е ГОДЫ***

Статья посвящена политике советского государства по земельному устройству западно-армянских беженцев на Юге России в 1920–1930-е гг. Земли для армянских поселений выделялись в малонаселенных районах, вдали от старожильческих армянских общин. В армянских селениях до конца 1930-х гг. государство допускало использование родного языка в работе органов местной власти, учреждений культуры и образования. Осуществляя землеустройство беженцев, власть ставила целью в лице армян получить надежную социальную опору. Жители армянских поселений поддержали политику советской власти, продемонстрировали трудолюбие, а в годы Великой Отечественной войны дали стране великолепных воинов, проявивших беспримерную доблесть, храбрость и мужество. Целенаправленное форсирование ассимиляции во второй половине XX в. привело к тому, что одни армянские поселения прекратили свое существование, другие в настоящее время находятся на грани исчезновения или теряют свой национальный облик. На примере истории армянских поселений, автор делает вывод, что только в компактных очагах проживания российским армянам более или менее удастся сохранять национальную идентичность, веру и традиции.

Ключевые слова: Донской округ, Ростовская область, Западная Армения, беженцы, дисперсные этносы, беженцы, земельное устройство.

На территории Юга России к середине XX в. имелось более 120 армянских населенных пунктов. Большая часть из них образовалась в досоветский период. Их история получила освещение в научной литературе [13; 14; 16; 17], в том числе – в ряде наших работ [10-12]. Этого нельзя сказать об армянских поселениях, созданных в первые десятилетия советской власти. В результате переселенческой политики и землеустройства преимущественно западно-армянских беженцев на Юге России в 1920–1930-е гг. образовались десятки новых населенных пунктов, в том числе и на Дону. Они являются объектом рассмотрения настоящей статьи.

Спасшиеся от тотального уничтожения западно-армянские беженцы, большей частью размещались в Восточной Армении и в других регионах Закавказья. Многие из них в 1918–1920 гг. стали жертвами турецкой интервенции и действовавших с ними закавказских банд. В этой связи значительно увеличилось количество беженцев, устремившихся на Юг России. Оказавшись в этом регионе страны, беженцы ютились в заброшенных строениях, сараях, а те, кому повезло, размещались у родственников и в помещениях, принадлежащих общинам. Типичным жилищем беженцев стали землянки на городских окраинах.

Новый этап в жизни армянских беженцев наступил после окончательного утверждения советской власти в начале 1920 г. Возобновившие было свою деятельность в период правительства А. Деникина национальные партии и благотворительные организации, занимавшиеся помощью беженцам, были полностью ликвидированы. Преследованиям подвергалась церковь, объединявшая эту деятельность. Официальные власти не хотели отдавать национальным организациям инициативу в работе среди беженского населения (от 25 до 40 тыс. по всему региону), могущего стать важной социальной опорой новой власти. Теперь решение их проблем стало исключительно монополией государства, а «помощь» беженцам ставилась в полную зависимость от конкретных интересов проводившейся на том или ином этапе политики (нэпа, коллективизации и т. д.). Решением беженской проблемы непосредственно должны были заниматься армянские коммунистические секции, национальные уполномоченные и инструкторы в органах государственной власти и др.

Если до Лозаннского договора (1923) многие беженцы надеялись вернуться в Западную Армению, то теперь эти надежды отодвигались в неопределенное будущее. Путь на родину был закрыт и для многих восточных армян, так как значительная часть их земель (Арцах, Нахичеван и др.) была передана Азербайджану, образованному турецкими интервентами.

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках международного научно-исследовательского проекта № 16-21-20003а: «Армяне в составе российской и советской элиты XVIII–XX вв.».

Тяжелое экономическое положение Армянской ССР, небольшой каменистой территории, оставшейся от исторической родины, переполненной беженцами и на треть разрушенной землетрясением 22 октября 1926 г., не позволило беженцам, осевшим на Юге России, поселиться в республике. Наоборот, их стремление выйти из бедственного положения было направлено в русло земельного устройства на Северном Кавказе.

Между тем, и к середине 1920-х гг. в положении беженцев, преимущественно сосредоточенных в городах, мало что изменилось. Они устраивались, как могли, и зарабатывали на жизнь «непрестижными» видами деятельности. С началом нэпа, которая легализовала рынок, некоторые из них занялись мелкой торговлей и ремеслом. Но так как большинство беженцев не были советскими гражданами, эта деятельность считалась незаконной.

Многие из беженцев изъявляли желание заняться привычным для себя сельскохозяйственным трудом, однако местные власти отказывали им в земельном устройстве, мотивируя это тем, что они иностранцы и по закону им не положена земля. Согласно Земельному кодексу РСФСР [4] и Закону о трудовом пользовании землей от 22 мая 1922 г., все иностранные подданные, проживавшие на территории страны, были лишены прав на землю, находившуюся в их фактическом пользовании. Им было позволено лишь батрачить или арендовать землю [3]. Однако иностранцами записывали карских, ардаганских, артавинских армян, являвшихся подданными Российской империи и имевшими право без формальностей стать советскими гражданами.

Информация об отказе выделять землю поступала из разных мест. И только реалии нэповского периода, социально-экономические и политические процессы, происходившие тогда в стране, вынуждали правящую партию считаться с желанием этнических групп землеустроиться в рамках национальных поселений, то есть фактически колоний, как это было и в период Российской империи.

Этой проблемой вплотную занялись власти образованного в 1924 г. Северо-Кавказского края. По Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г., армянское население по численности занимало четвертое место (официально 162,2 тыс. чел., а по данным армянской секции – 220 тыс.) после русских – 3,8 млн., украинцев и чеченцев [5].

О необходимости землеустроить беженцев первыми заявили армянские секции Первого Северо-Кавказского краевого совещания секретарей армянских партийных секций (февраль 1925 г.) [2. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 165. Л. 10]. На заседании бюро Северо-Кавказского крайкома (25 сентября 1925 г.), рассматривавшем вопрос об устройстве беженцев, приняли постановление, в котором практическое разрешение этих вопросов поручалось крайисполкому [2. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.]. В следующем месяце (11 ноября 1925 г.) президиум крайисполкома, детально обсудив вопрос «Об устройстве армян-беженцев», в свою очередь дал поручение Краевому земельному управлению (КрайЗУ) к 1 марта 1926 г. представить планы и сметы по устройству в крае 3000 семей (15000 чел.) армян-беженцев [1. Ф. Р-1485. Оп. 1. Д. 173. Л. 234.]. По расчетам крайисполкома, на «земельно-хозяйственное устройство» указанного числа беженцев требовалось по меньшей мере 3 млн. руб. [7]. В мае 1926 г. крайисполком поручил КрайЗУ и аппарату Переселенческого управления произвести учет пунктов, в которых расселены армяне-беженцы [8].

Оптимальным, с точки зрения самих армян, было их землеустройство в рамках *отдельных национальных поселений*, что позволяло им сохранить свою национальную идентичность. В них не было традиционного национального самоуправления, армянского по содержанию образования, церкви и независимых от власти общественных организаций. В то же время государство в контексте политики коренизации допускало использование родного языка в работе местных органов власти, учреждений культуры и в школьном обучении. Не только крупные, но и средние армянские поселения до конца 1930-х гг. получили статус национальных сельсоветов, по сути – *низовой* формы национально-территориальной автономии дисперсного этноса [11].

Земли для поселений западно-армянских беженцев, как правило, выделялись за пределами городов и районов, где находились старожильческие армянские общины, например, Нахичевань-на-Дону и села Мясниковского района. Государство оказывало поддержку переселению только в малонаселенные районы Дона, где беженцам (после долгих согласований и бюрократических препонов) выделяли пустопорожные земли или опустевшие по разным причинам станицы и хутора.

Среди новых армянских поселений на Дону, образованных западноармянскими беженцами в период нэпа, в первую очередь следует назвать хутора Шаумян и Арарат. Заметим, что в настоящей статье не рассматриваются армянские населенные пункты, созданные в 1920–1930-е гг. в пределах Мясни-

ковского национального района (Ленинакан, Красный Крым, Ленинаван, х. Веселый), а также Ейского и Кущевского районов Краснодарского края, входивших в 1920-е гг. в состав Донского округа.

Хутор Шаумян Мечетинского (с 1935 г. – Егорлыкского) района Донского округа, стал одним из первых населенных пунктов, основанных в 1924–1925 гг. западно-армянскими беженцами на Дону.

Предыстория села такова. Еще весной 1923 г. в Грозном было организовано Общество помощи армянам-беженцам. Руководители общества ставили целью устройство на земле армян, занимавшихся мелкой торговлей или живших случайными заработками [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 941. Д. 1148]. Пользуясь проездом председателя ЦИК СССР М. И. Калинина через Грозный, руководство общества подало ему соответствующее заявление. Резолюция «всесоюзного старосты» на этом заявлении гласила: «Прежде, чем начинать ходатайствовать по инстанциям, необходимо предварительно подыскать себе надлежащий участок земли, сговориться с местной властью об ее согласии на занятие беженцами данного участка, только тогда уже возбудить ходатайство о переселении и возможности субсидий. 16.05.23 г. М. Калинин» [18. С. 112]. Руководствуясь этой резолюцией, член комитета Акопов, назначенный уполномоченным Наркомзема на Юго-Востоке РСФСР, с соответствующими документами на руках был направлен в Ейский отдел Кубано-Черноморской области для подыскания земельного участка из расчета на 200 семейств (2 864 чел.). Кубано-Черноморское областное земельное управление (Куб.-Черн. облЗУ) в ответ на запрос о наличии земельных участков 19 июня 1923 г. сообщило о возможности размещения беженцев на бывших частновладельческих участках площадью около 8900 десятин на северо-востоке Ейского отдела в непосредственной близости от станицы Роговской.

Уполномоченный обратился к Наркомзему с просьбой в соответствии со ст. 223 Земельного кодекса ходатайствовать перед ВЦИК РСФСР о разрешении указанной группе армян переселиться на свободные земли. Главное управление землеустройства и мелиорации своим отношением от 25 июля 1923 г. ходатайствовало перед ВЦИК о разрешении переселения в порядке исключения за свой счет по льготному переселенческому тарифу [18. С. 113].

В «Известиях ЦИК СССР» от 12 августа 1923 г. сообщалось: «Разрешено переселение 200 семьям беженцев из Закавказья, проживающим в пределах Северного Кавказа, в Ейский отдел Кубано-Черноморской области на предоставленный им областным земуправлением участок земли» [6].

После долгих согласований началось переселение. Оно происходило в период, когда в регионе осуществлялась территориальная реформа, завершившаяся созданием 13 февраля 1924 г. Юго-Восточной области, переименованной 16 октября в Северо-Кавказский край. Новообразованное поселение в результате районирования вошло в состав Мечетинского района. После упразднения 30 июля 1930 г. Донского округа, Мечетинский район, как и другие районы, перешел в прямое подчинение Северо-Кавказского края, а с 13 сентября 1937 г. – в состав Ростовской области. В сентябре 1960 г. район был упразднен. Вместо него образован Черноградский район [10].

В поселенческой политике и землеустройстве на первом месте присутствовали утилитарные мотивы – получение налогов, восстановление сельского хозяйства, разрушенного гражданской войной и формирование социальной опоры в «оппозиционном» к новой власти казачьем регионе. Поселенцы еще не успели обзавестись «жилищем», как уже были вовлечены в сельскохозяйственные объединения. Здесь были организованы сельскохозяйственная коммуна им. Шаумяна [9] и ТОЗ «Новый Восток» (в документе от 19 марта 1926 г. сообщается о «Красном Востоке»). Товарищество объединяло 12 хозяйств и 74 чел., имевших всего 4 лошади и инвентарь стоимостью 3500 руб. [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1148. Л. 41].

В новообразованное поселение продолжали прибывать новые группы поселенцев, перед которыми еще острее встала проблема обеспечения землей. Данные о численности жителей в селе вплоть до проведения переписи 1926 г. были довольно противоречивы. В одном из источников сообщается, что к началу марта 1924 г. на выделенную землю переселилось 207 семей (1537 чел.), из которых обзавелись хозяйством 158 дворов [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1148. Л. 26-29].

Райисполком разными способами саботировал решения центральных и краевых властей [18. С. 116]. Потребовалось даже вмешательство штаба Северо-Кавказского военного округа (в феврале 1925 – ноябре 1927 г. войсками СКВО командовал И. П. Уборевич, сменивший на этом посту Н. И. Муралова). 23 марта 1925 г. военный комиссар штаба СКВО написал письмо председателю Новороговского сельсовета, копию которого отправил в прокуратуру Донкома. В письме военкома председатель сельсовета осуждался за попустительство в захватах земель переселенцев зажиточными казаками. Военком предупредил, что в случае обострения ситуации, могущей привести к человече-

ским жертвам, вся ответственность будет возложена на местное руководство, а «виновные будут привлечены к судебной ответственности за противодействие переселенцам, интересы которых вы обязаны защищать» [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1148. Л. 36]. Заместитель управляющего Северо-Кавказского КрайЗУ 24 апреля сообщал военкому, что отвод земли переселенцам включен в план работ на лето 1925 г. и будет выполнен после того, как КрайЗУ, в ведении которого находятся эти земли, даст разрешение на производство землеустроительных работ [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1148. Л. 37].

В свою очередь КрайЗУ дало поручение переселенческому управлению провести тщательное обследование. В нем участвовали представители Донисполкома, в том числе Чубарь, заведующий отделом нацменьшинств (нацменуправление). По результатам обследования переселенческое управление докладывало, что количество переселенцев, входящих в твердый список подлежащих устройству в Кугейской степи армян-беженцев и ведущих свое хозяйство, – 115 семей (735 душ). Количество прибывших, но не вошедших в основной список – 113 семей (714) [18. С. 117].

После вмешательства вышестоящих властей Мечетинский райисполком (РИК) вынужден был ускорить процесс землеустройства армян. Для части армянских поселенцев, которым не хватило земли в Шаумяне, были отведены наделы в нескольких километрах к югу от хутора Кавалерки. В результате в середине 1920-х гг. в непосредственной близости от Шаумяна образовался новый населенный пункт, получивший название Арарат. Уже в первые годы в Арарате было землеустроено более 60 семей. Дальнейшая история донского Арарата будет тесно связана с жизнью хутора Шаумян.

О проблемах, которые волновали шаумяновцев, красноречиво говорилось в пространном письме первому секретарю крайкома ВКП(б) А. И. Микояну, составленном 26 января 1926 г. А. Б. Бабаджановым – руководителем комсомольской ячейки и представителем крестьян по культурным делам хутора. (Впоследствии он окончил военное училище и в звании полковника погиб в 1943 г. при освобождении Крыма).

В своем письме А. Б. Бабаджанов писал: «Мы, армяне хутора Шаумян (1500 жителей) Мечетинского района Донокруга, переселились на Северный Кавказ по разрешению ЦИКа от 12 августа 1923 года, опубликованного в газете “Известия” № 180. Переселились без всякой помощи государства, несмотря на то, что государство обещало вначале оказывать помощь. При данных условиях мы, бедняки переселенцы, использовать переселенческие или крестьянские льготы не могли. Крестьяне живут в землянках, нет школы, нет кооператива и других очагов соцкультуры. 100 раз ходатайствовала наша ячейка перед Нацменом ДОНО и районо об открытии указанных пунктов. Еле-еле открыли ликпункт и Красный уголок». И далее заявитель перечислял все проблемы, которые волновали поселенцев [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1148. Л. 67].

Неизвестно, ответил ли А. И. Микоян на это письмо, так как на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1926 г. он был избран кандидатом в члены Политбюро, а незадолго до этого возглавил наркоматы внутренней и внешней торговли, снабжения, пищевой промышленности и др.

Так или иначе, но на карте Северо-Кавказского края за короткое время появились новые населенные пункты – Шаумян и Арарат. В мае 1926 г. Шаумян получил статус национального сельсовета. Это произошло в результате выделения его из состава Новороговского сельсовета [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1045. Л. 1]. Первым председателем армянского сельсовета был избран Марданов.

Весть о землеустройстве армян в Мечетинском районе быстро облетела беженцев, разбросанных по разным регионам Северо-Кавказского края. В Шаумян начали прибывать группами и отдельными семьями. Некоторые из них поселялись в соседних хуторах Арарат, а позднее и Микоян.

Наш информант из с. Шаумян Варужан Тарханян, например, сообщает, что его родные, вместе с другими беженцами из Муша и Вана, прибыли в Шаумян из ст. Ладожской, где они нашли временное пристанище. В первые годы они жили недалеко от хутора в землянках. Причем свое «поселение» они называли «Нор Муш» («Новый Муш»). По мере отселения семей, ранее незаконно получивших земли, выделенные для беженцев, эти и другие «земляные поселки» ликвидировались, а их жителей переселяли в Шаумян.

Шаумяновцы поддержали классовую линию партии по ликвидации кулачества. Но так как здесь не было не только кулаков, но даже и середняков, 1928 г. здесь прошел «спокойно». В то же время начало первого года «сплошной коллективизации» сельского хозяйства из-за необычайных морозов ознаменовалось не только значительными материальными, но главное – человеческими потерями. В связи с этим 28 февраля 1929 г. на заседании президиума Мечетинского РИК рассматривался

вопрос о мероприятиях по оказанию помощи армянам-переселенцам, пострадавшим от морозов и снежных заносов [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 941. Л. 44].

Армянское население поголовно вошло в колхоз, носивший такое же название, что и хутор. Работали добросовестно, никаких фактов «антиколхозного движения» отмечено не было. Шаумяновцы в полной мере оправдали все ожидания советской власти. Даже жуткий голодомор 1932–1933 гг. для беженцев, недавно спасшихся от неминуемой гибели на своей родине, никак не мог сравниться с ужасами тотального истребления народа в оставшейся в составе Турции Западной Армении. Коллективизацию поддержали и донские араратцы. У них образовался колхоз, позже объединенный в колхоз им. Кирова с центром на хуторе Кавалерка.

С первых дней важнейшей проблемой для армян Шаумяна стал вопрос о школе с преподаванием на родном языке. В первые годы сельчане на свои средства обустроили и содержали школу I ступени. Государственное финансирование школы началось только в 1927 г. [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 1341. Л. 158]. Почти в это же время начальная школа с преподаванием на родном языке появилась и в Арарате. К началу 1927/28 уч. года завершилось строительство отдельного помещения деревянной школы, в которой уже было три класса, и в каждом из них – свой учитель. В числе первых была юная учительница Восканян [1. Ф. Р-1798. Оп. 1. Д. 941. Л. 44]. До открытия в 1931 г. школы-семилетки, некоторые учащиеся, окончившие начальную школу, продолжали учебу в ростовской армянской школе им. 26 бакинских комиссаров. В разный период это учебное заведение возглавляли: Мисак Трапизонян, Геворк Авакян, Айкарам Срапионян, Григорий Осипян, Галина Маркарян. Продолжительное время директором школы являлся А. Г. Срапионян, в честь которого на здании школы установлена мемориальная доска. Сегодня коллектив школы возглавляет Манвел Тарханян [20].

Национальная школа, пусть больше по форме, чем по содержанию, способствовала сохранению языка, а через него и национального самосознания. Однако в период «хрущевской оттепели» национальная школа была преобразована в восьмилетнюю русскую школу № 17 (с 1991 г. – СШ № 10).

У нас мало информации, в какой мере армяне поселений сохраняли веру предков в условиях советской атеистической эпохи. Поскольку Ростов-на-Дону был центром Ново-Нахичеванской епархии ААЦ, в населенных пунктах Дона и соседних районов Кубани, где не было церквей и духовных пастырей, епархиальный совет пытался организовывать молебны, панихиды, отпевание, освящения и другие богослужения, совершаемые по их необходимости. Поэтому туда направлялись священники из Ростова и Мясниковского района.

Так, 8 мая 1945 г. священник Тер-Иусиг Джангулян был командирован в села Шаумян, Микоян, Эрзерум и Ерзинджан Егорлыкского района. Тер-Иусига, как в прошлые годы других священников, приняли очень тепло, что вызвало враждебную реакцию районных властей. Сельский актив и руководители колхозов подверглись резкой критике. В отношении некоторых из них последовали «оргвыводы» за «содействие священнику» [15]. Джангулян повторил поездку в ноябре того же года. Председатель сельсовета Шаумяна под давлением сверху категорически запретил ему совершать требы. От Тер-Иусига потребовали разрешения райсовета. Поскольку в предоставлении транспорта ему было отказано, священнику пришлось пройти пешком 25 км до райцентра. Однако даже после получения разрешения ему запретили проводить богослужения.

То же повторилось в мае 1946 г. в селах Шаумян, Арарат и Ерзинджан, в которых проживало 3500 армян. Другой пример. Армянский епархиальный совет 7 мая 1952 г. обратился к уполномоченному Совета по делам религиозных культов Ростовской области А. Г. Байкову с просьбой выдать священнику Иусигу справку для командировки его с псаломщиком Романом Акоповым в Новочеркасск «с целью исполнения духовных треб местных армян, в связи с пасхальным праздником на две недели» [15].

Второй этап советской поселенческой политики в отношении армянских беженцев приходится на конец 1920-х – начало 1930-х гг. Организуемые в этот период новые поселения должны были стать форпостами колхозного строительства. С началом коллективизации на юго-востоке нынешней Ростовской области в 30 км западнее Шаумяна возник хутор Микоян.

Успех коллективизации в Шаумяне власти хотели повторить в масштабе всего района. Часть коренного казачьего населения встретило эту политику в штыки. Бесправные беженцы из с. Серпацор Карсской области, подданные Российской империи, но почему-то записанные властями как турецко-подданные, готовы были принять любую форму общественного устройства, навязанную сверху. Таким образом, в 1929 г. в пустынной и безводной степи Мечетинского (с 1935 г. – Егорлыкского) рай-

она был основан хутор Микоян. За короткое время он превратился в относительно крупный населенный пункт. В 1932 г. здесь был создан колхоз «Победа», занимавший по выращиванию зерновых передовые позиции в районе. В Микояне была построена школа, где обучение велось на родном языке, имелся свой национальный сельсовет.

С 1950-х гг. начинается массовый исход населения Микояна преимущественно в Краснодарский край и в города Ростовской области. Большой хутор постепенно пришел в упадок, колхоз был упразднен. Остались около пятнадцати дворов с населением не более 50 чел. и кладбище, которое до настоящего времени – самое ухоженное место на хуторе. Ежегодно поклониться могилам своих предков из разных стран и регионов России в Микоян, на официальных картах называющийся хутор Советский, приезжают его бывшие жители и их дети [19].

Таким образом, в 1920–1930-е гг. в результате осуществления поселенческой политики и землеустройства в разных местах Юга России возникли *новые* населенные пункты, основанные западно-армянскими беженцами. Созданием национальных поселений и землеустройством беженцев руководство страны и регионов одновременно решало несколько задач: во-первых, продемонстрировать всему миру способность советской власти решать сложные национальные и социальные проблемы; во-вторых, в короткие сроки восстановить хозяйство, разрушенное в результате гражданской войны, обеспечить налоговые поступления в период нэпа и снабжение сельскохозяйственной продукцией в период «великого перелома»; наконец, в лице армян получить социальную («классовую») опору советской власти.

Эти ожидания оправдались. Армяне в благодарность за свое землеустройство поддерживали все мероприятия, осуществляемые советской властью. Она отождествлялась с Россией, приютившей западно-армянских беженцев, и поэтому имевшиеся жизненные трудности не могли быть поводом для недовольства, по мнению армян, ставшего бы проявлением неблагодарности к принявшей их стране. В годы первых пятилеток население армянских сел продемонстрировало небывалое трудолюбие и внесло значительный вклад в укрепление экономического потенциала страны. Впрочем, это обстоятельство не спасло армян от репрессий, так как любой недостаток, реальный или надуманный, становился поводом для обвинений в мнимой принадлежности к национальным партиям. В Великую Отечественную войну армянские села дали стране воинов, проявивших бесстрашие и беспримерный героизм. Воины и труженики тыла понимали, что одновременно решается судьба всей страны и оставшегося от их родины небольшого островка – Советской Армении.

В послевоенные десятилетия, по мнению центральных и местных властей, армяне-сельчане поддержат любые преобразования, как в хозяйственной жизни, так и политике искусственной денационализации. Однако упразднение национальных сельсоветов, прекращение преподавания родного языка в школах, переименование национальных топонимов и другие меры, привели к массовому исходу населения в города и другие регионы.

Одни армянские поселения прекратили свое существование (с. Арарат), другие в настоящее время находятся на грани гибели (с. Микоян), третьи же потеряли или продолжают терять свой национальный облик. Из всех армянских сел, созданных в рассматриваемый период, большую жизнеспособность «проявил» Шаумян (в 2012 г. в селе проживало 1889 чел.).

В немалой степени сохранение этих поселений – результат стойкости их жителей и тех, кто, покинув родные села, не забывают оказывать им помощь. В их числе: уроженец хутора Микоян Азат Асатуров, который провел дорогу от родного хутора до сельсовета; уроженец села Шаумян Владимир Казарян, принявший активное участие в возведении церкви «Сурб Арутюн» (Св. Воскресения) в Ростове и многие другие.

В целом, при всей противоречивости советской поселенческой политики, само существование вдали от родины национальных поселений, использование в них до середины XX в. родного языка в делопроизводстве, работе культурно-просветительных учреждений, возможность активного участия в политической жизни (естественно, на основе советской общественной модели) на равных с другими народами является позитивным опытом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Ростовской области (ГА РО).
2. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО).
3. Закон о трудовом пользовании землей // Известия ВЦИК. 1922 14 июня. № 130.

4. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. № 68. 15 нояб. 1922 г.
5. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Предварительные итоги. Вып. 3-й. М., 1927.
6. Известия ЦИК СССР. 1923. 12 авг. № 180.
7. Советский Юг. 1925. 31 окт.
8. Советский Юг. 1926. 12 мая.
9. Советский Юг. 1926. 2 нояб.
10. *Акопян В. З.* Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20–30 гг. XX в. Пятигорск, 2009.
11. *Акопян В. З.* «Низовая» форма территориального самоуправления – национальные сельсоветы: использование опыта их функционирования в современных условиях // Вестн. ПГЛУ. 2012. № 4.
12. *Акопян В. З.* Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940: монография. Ростов-н/Д., 2010. 170 с.
13. *Волкова Н. Г.* О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX века // Историко-филологический журнал (Ереван). 1966. № 3.
14. *Гозулов А.* Итоги переписи 1926 года по Северо-Кавказскому краю. Ростов н/Д., 1929.
15. *Малхасян А.* Армянские церкви на донской земле // Нахичевань-на-Дону. 2010. Дек. № 12.
16. *Погосян Л. А.* Армянские поселения Северного Кавказа (начало XVIII в. – 1920 г.). Ереван, 1990.
17. *Тереженко А. Г.* Армянское население в Донском и Северо-Кавказском регионах в 20-х годах XX века. URL: [http://hrj.asj-oa.am/5604/1/1992-2-3\(111\).pdf](http://hrj.asj-oa.am/5604/1/1992-2-3(111).pdf)
18. *Хачикян С. М.* Из истории хутора Шаумян Егорлыкского района Ростовской области // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 15. Ростов-н/Д, 2007.
19. Хутор Микоян // Хачкар. 2012. Февр. URL: <http://khachkar.ru/encyclopedia/?id=74>
20. Шаумяновская средняя общеобразовательная школа № 10 Егорлыкского района Ростовской области. URL: <http://nsportal.ru/site/54961>.

Поступила в редакцию 15.03.16

V.Z. Akopyan

THE FORMATION OF NEW ARMENIAN SETTLEMENTS ON THE RIVER DON IN 1920s and 1930s

The article deals with the Soviet state policy concerning organization of the use of land by Western Armenian refugees in the South of Russia in 1920s and 1930s. The lands for the Armenian settlements were allotted in sparsely populated areas, far from the older Armenian communities. The state allowed the use of the native language in the work of the local authorities and cultural and educational institutions in the Armenian settlements until the end of the 1930s. When allotting lands to the refugees, the state authorities aimed at getting a strong social support from Armenians. The population of the Armenian settlements supported the Soviet power, demonstrated diligence, and during the Great Patriotic War gave the country great warriors, who showed unprecedented valor, bravery and courage. As a result of the purposeful forcing of the assimilation in the second half of the 20th century, some Armenian settlements ceased to exist, the others are currently on the verge of extinction and are losing their national identity. Using the history of the Armenian settlements as an example, the author draws the conclusion that only in compactly located areas of residence do the Russian Armenians manage to keep, to a certain extent, their national identity, faith and traditions.

Keywords: Donskoy district, Rostov region, Western Armenia, refugees, dispersed ethnic groups, refugees, organization of the use of land.

Акопян Виктор Завенович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
исторических и социально-философских дисциплин
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет»
357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Akopyan V.Z.,
Candidate of History, Associate Professor
at Department of Historical, Social
and Philosophical Disciplines
Pyatigorsk State University
Kalinina st., 9, Pyatigorsk, Russia, 357532
E-mail: zaven2005@yandex.ru